

M. B. Завьялова

(Москва, Институт славяноведения РАН)

Мифологема тростника в балтийской традиции

И над задумчивою Летой
Тростник оживший зазвучал.

A. Ахматова

В балтийской заговорной традиции весьма распространены формулы исчезновения болезней и злых сил, в отличие от славянских, в которых чаще встречаются формулы отсылки. Видимо, это каким-то образом коррелирует с заклинательным характером балтийских заговоров, для которых характерна большая сила воздействия: с помощью заговора следует не только прогнать недуг из тела человека в определенное (отдаленное) место, но и убедиться, что он исчез полностью, необратимо. Для этого используются разнообразные формулы, содержащие, как правило, метафоры чего-то нестойкого, эфемерного, существующего непродолжительное время и исчезающего бесследно: утренняя роса, мгла в теплый день, тень в солнечном свете, утренник, туман, дым, пепел, пар в бане, гриб дождевик, морской песок, водяной пузырь, морские волны. Наиболее богаты такими метафорами латышские заговоры, например:

kā dūmi izkūpēs, kā rūpēdis izputēs ‘разнесется как дым, разлетится как ноздряк’;

iznīkst kā dūmi gaisā, izput kā vecs rūpēdis, izdēd kā bērzu lapa ‘исчезает как дым в воздухе, разносится как старый ноздряк, истлевает как березовый лист’.

Эти сравнения встречаются в заговорах с самой разнообразной прагматической направленностью, иногда по одно-

му, иногда в сочетаниях. Из наиболее интересных подобных сочетаний можно выделить формулу трех способов исчезновения (уменьшения, засыхания, истлевания):

laj iznīkst kā vecs mēnesis, laj kalst kā purva niedre, laj izdēd kā vecs mironis ‘пусть исчезнет как месяц под ущерб, пусть засохнет как тростник в болоте, пусть истлеет как старый мертвец’.

Эта формула примечательна тем, что, во-первых, она наиболее устойчива, то есть чаще других встречается в разных текстах, во-вторых, это единственная формула подобного рода, которая заимствуется в литовские заговоры (а литовские заговоры с этой формулой содержат явные следы заимствования из латышской традиции). Это, видимо, говорит о ее популярности и подразумеваемой действенности.

Можно сравнить латышские и литовские тексты с этой формулой:

латышский: *Uguns plusas, zobu tārpus, melnus, baltus, rūsenus — visas plusas Jēzus spēkā — Jēzus vārdā es atņetu tam (vārdam). Izdilsti, tu tārps, kā vecs mēnesis; sakalsti kā purva niedre, un izdēdi kā vecs mironis! Iekš tā vārda...* ‘Огневые флюсы, зубные червяки, черные, белые, рыжеватые — все флюсы во власти Иисуса — во имя Иисуса я отнимаю у (имярека). Зачахни, червяк, как месяц под ущерб; иссохни, как камыш в болоте и истлей, как старый мертвец! Во имя...’ (Трейланд, № 117, от зубной боли);

литовский: *Ugnis plečias tarp mėlynų ir baltų rožių. Prašau Jėzaus Kristaus žodžio, kad visos kirmélés, kur platinas, išdils, kaip senas Mēnuo, sudžius, kaip pievoj mindrés (nendrés), prieš tą vardą Dievo tévo, Sūnaus, ir Šventosios Dvasios, Amen.* ‘Огонь распространяется среди синих и белых роз. Прошу слова Иисуса Христа, чтобы все червяки, где распространялись, стерлись, как старый Месяц, засохли, как на лугу тростник, перед этим именем Бога Отца, Сына и Святого Духа. Аминь’ (Balys, № 534, от зубной боли);

латышский: *Mūsu Kungs Jēzus Kristus gāja jūrā, četras rozes nesa rokā: tā pirmā zila, tā otrā melna, tā trešā sarkana, tā ceturtā tērauda. Kur es viņas likšu? Es viņas likšu trejdeviņu enģeļu spēkos un trejdeviņu vārtu stabos: tur šķis viņas. Nāc, enģeļ, ti tev pērs, nu ti tev šautīs. Izdilsti kā vecs mēnesis, sakalsti kā purva niedre un izdēdi kā vecs mironis* ‘Наш Господь Иисус Христос шел по морю и нес че-

тыре рожи (розы) в руках: первая синяя, вторая черная, третья красная, четвертая стальная. Куда я их дену? Я их предоставлю силе тридевяти ангелов, вложу в столбы тридевяти ворот: там они разлетятся. Иди сюда, ангел, они тебя побьют, они тебя посекут! Исчезни как месяц под ущерб, засохни как камыш в болоте, истлей как старый мертвец!’ (Трейланд, № 164, от рожи).

литовский: *Jēzus plauk per jūrq. Keturios rožės rankoje: viena mėlyna, antra juoda, trečia raudona, ketvirta plieno. Kur aš jas dėsiu? Aš jas dėsiu trijų devynių angelų spékose. Kur léks jo angelai, tie šią rožę plieks ir pers. Išnyk, kaip galas Mēnesio, sudžiūk, kaip jūros švendrė: aaa, aaa, aaa. Dieve aukščiausiasis, būk čia!* ‘Иисус плыв по морю. Четыре розы в руке: одна синяя, другая черная, третья красная, четвертая стальная. Куда я их дену? Я их дену в силу тридевяти ангелов. Куда полетят его ангелы, эти ту рожу будут стегать и сечь. Исчезни, как конец Месяца, засохни, как морской тростник: aaa, aaa, aaa. Боже всевышний, будь здесь!’ (Balys, № 421, от рожи).

латышский: *Trīs puiši pār deviņiem kalniem, trīs puiši pār deviņām jūdzēm, trīs mironi — nāk pie baltā zirga. Nemāt katrs savu vīneļu mītu, eitat atpakaļ pār deviņām jūdzēm visas no baltā zirga! Izdilsti kā vecs mēnesis, sakalsti kā purva niedre, izdēdi kā vecs mironis! Iekš ta vārda...* ‘Три парня через девять гор, три парня через девять миль, три мертвеца — приходят к белой лошади. Возьмите каждый свою дань чемера, идите назад через девять миль — все прочь от белой лошади! Исчезай, как месяц под ущерб; засыхай, как камыш в болоте; истлевай, как старый мертвец! Во имя...’ (Трейланд, № 341, от чемера);

литовский: *Trys angelai per devynius kalnus, trys angelai per devynias mylias, eikšekit pas Petro aukso arklį, ir imkit katras savo dalī vyvalo skausmo, ir eikit atgal per devynis kalnus, per devynias mylias. Visas vyvalas tegul išdyla, kaip delčios Mēnuo, kaip liekno švendrė. Aaa, aaa, aaa. Dieve augščiausiasis, būk čionai!* ‘Три ангела через девять гор, три ангела через девять миль, приходите к золотой лошади Пятраса, и возьмите каждый свою часть боли чемера, и идите назад через девять гор, через девять миль. Весь чемер пусть соится, как ущербный Месяц, как стройный тростник. Аaa, aaa, aaa. Боже всевышний, будь здесь!’ (Balys, № 532, от чемера).

Следует отметить, что тростник часто переводится как камыш и называется камышом, хотя это совершенно разные растения, и эта путаница наблюдается не только в фольклоре, но и в языках, о чем пойдет речь ниже.

В этой формуле интересна как сама по себе трехчастная структура, так и выбор ее элементов. Подобный набор сразу ассоциируется с трехчастной структурой мироздания, состоящей из верхнего, среднего и нижнего миров, каждый из которых представлен соответствующим элементом. В славянских заговорах это, например, три «царя» или три центра мира — месяц, дуб (камень) и мертвец (рыба, червяк). Элементы могут варьироваться, но общая структура остается неизменной. Логично было бы и в латышской формуле видеть отражение этой структуры. Если месяц и мертвец вполне обоснованно могут соотноситься с верхним и нижним мирами соответственно, то тростник в роли Мирового Древа (аналогичного камню или дубу) выглядит довольно странно. Конечно, здесь играет важную роль специфика формулы — в отличие от славянской формулы трех царей, которой подчеркивается их сила и незыблемость, эта формула стремится как раз к обратному — найти аналог слабости и скорого исчезновения. Казалось бы, все понятно. Тем не менее образ тростника не так однозначен, как кажется на первый взгляд. Его символика весьма разнообразна и в зависимости от контекста может нести в себе даже прямо противоположные значения. Можно вспомнить хотя бы известную басню Эзопа о споре дуба и тростника, которая отразилась в поговорке «Дуб упал, а тростник остался», что как раз и отсылает к символике Мирового Древа. Действительно, тростник отличается не только слабостью, но и стойкостью, упругостью, что нашло отражение в его мифологеме. На этом и хотелось бы подробнее остановиться.

Прежде всего обратимся к заговорам. В славянских заговорах, как уже упоминалось, подобной формулы нет. Однако тростник в них упоминается довольно часто. И это не только атрибут «гиблого места», куда ссылаются болезни, например, в польском заговоре:

Matko Boża, nie daj mi żadnej przynocnicy, płaksyni, krykływusi i mówię to i śumię, i rzucam na błota, na trzciny, na głębokie wody posyłam ‘Матерь Божья, не дай мне никакой ночницы, плаксы, криксы, и говорю это и выговариваю, и бросаю на болота, на тростники, на глубокие воды посылаю’ (Rokosowska, s. 460, от детской бессонницы).

Кстати, в одном польском заговоре тростник входит в другую распространенную в славянском ареале формулу «как сойдутся Х и У»: *Jak się zejdzie oś z wozem, kamień z morzem, trzcinę z błotem, tak ty, zębie, ze krwią boleć przestań* ‘Как сойдутся ось с возом, камень с морем, тростник с болотом, так ты, зуб, с кровью болеть перестань’ (Kolberg 52, s. 438, от зубной боли).

В русских и белорусских заговорах тростинка (трость) сравнивается с исчезновением болезни, чаще всего с прекращением кровотечения. Например:

Вставши Христос, / Ступив на трость; / Трость изломилась, / Кровь утаилась (Майков, № 163, от крови);

На море стоит камень, а на камне — трость. Как из этой трости вода не бежит, так из (такой-то части тела) кровь не бежит (Савушкина, № 48, как унять кровь);

Ішла маць Прачыстая па полю чыстаму, залатою трасцінаю папіралася, траву рвала, рану затыкала. Залатая трасцінка, парадаміся, рабу божкаму крой уніміся (Замовы, № 497, ад крывацёку);

Тэкла рэчушка краваўая, / На цэй рэчкы очэрэтынка лэжыть, / Очэрэтынка¹ заламылася, / Крой запэнылася (ПЗ, № 303, от крови).

Может сломанная тростинка ассоциироваться и с исчезновением жала змеи, вывиха, удара, скулы, лихорадки, других болезней:

Хадзіў Бог па шаўковай траве, па зямчужнай расе, залатою трасцінаю папіраўся. Залатая трасціна переламілася — у зъмяі жала прыламілася (Замовы, № 300);

Ішоў Сус Хрыстос цераз калінавы мост, залатою трасцінкаю папіраўся. З етага раба божага (імя) штоб удар улягайся, і паступ, і звіх, і мах калючы і балючы, і гаручы, і падзіўны, пагарвонты, пацеешны і смешны, жаласны і радасны (Замовы, № 555, ад звіху);

Ішоў Ісус Хрыстос цераз калінавы масток, нёс сухое трасцё. Трасцінка зламілася, і парушынка з вока выкацілася (Замовы, № 852, ад парушынкі ў воку);

¹ Очэрэтынка — камыш.

Асінка, асінка! Вазьмі маю трасцынку, аддай мае здаройя (Замовы, № 871, ад ліхаманкі).

Здесь, как и в латышских заговорах, тростник сопоставляется с болезнью, а его исчезновение (в данном случае, надлом, т. е. нарушение целостности) — с исцелением от болезни. Однако возможна и другая трактовка. Не исключено, что тростник использовался в лечебных целях. Поскольку его полый стебель позволяет наполнить его жидкостью, возможно, он мог применяться как примитивный катетер для кровопускания. На такие мысли наводят заговор, в котором упоминается прокол тростником:

*Шел истинный Христос путем-дорогою,
Проколол тросточкой левую ногу,
Не боялся ни щепоты, ни болезни,
Ни кровавой раны.
И также рабу Божьему (имярек)
Не бойся ни щепоты, ни болезни,
Ни кровавой раны. Аминь!*

(ТРМ, № 442)

О похожем использовании тростника как катетера при мочеиспускании говориться в комментариях Т.Я. Елизаренковой к Атхарваведе (Атхарваведа 1, стр. 377). Об этом свидетельствует и содержание следующего заговора от задержания мочи:

*Мы знаем отца тростника,
Парджанью стомужественного.
Этим я сотворю благо твоему телу.
На земле да будет твое излияние,
Наружу из тебя — «пccc!»*

*Мы знаем отца тростника,
Митру стомужественного.
Этим я сотворю благо твоему телу.
На земле да будет твое излияние,
Наружу из тебя — «пccc!»*

*Мы знаем отца тростника,
Варуну стомужественного.
Этим я сотворю благо твоему телу.
На земле да будет твое излияние,
Наружу из тебя — «пccc!»*

*Мы знаем отца тростника,
Месяца стомужественного.
Этим я сотворю благо твоему телу.
На земле да будет твое излияние,
Наружу из тебя — «пccc!»*

*Мы знаем отца тростника,
Солнце стомужественное.
Этим я сотворю благо твоему телу.
На земле да будет твое излияние,
Наружу из тебя — «пccc!»*

*(Та), что скопилась во внутренностях,
В чреслах (?), в мочевом пузыре, —
Вот так пусть освободится твоя моча,
Наружу — «пccc!» — вся!*

*Я пробиваю твой мочевой канал,
Как плотину у пруда.
Вот так пусть освободится твоя моча,
Наружу — «пccc!» — вся!*

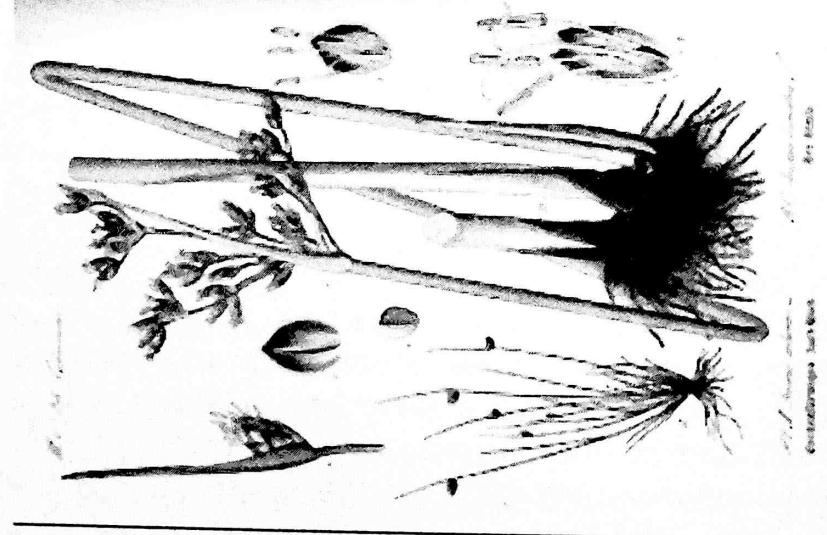
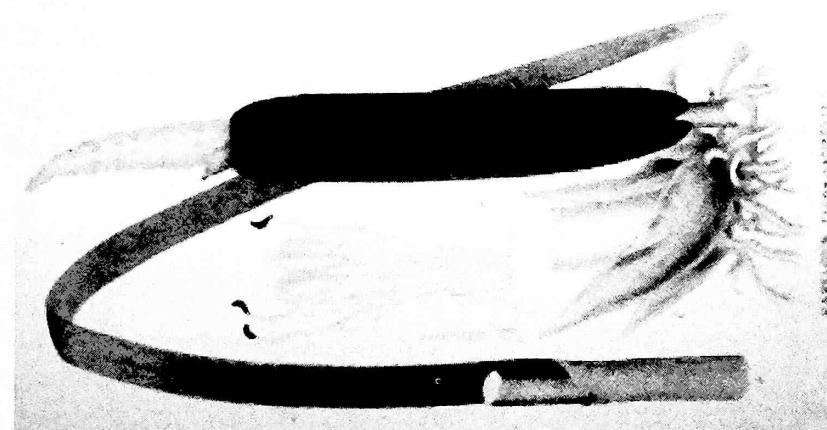
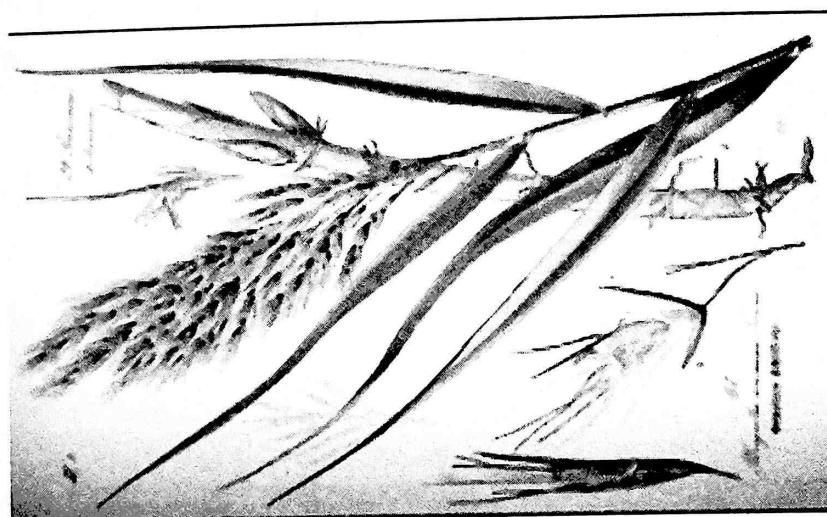
*Открыто отверстие твоего мочевого пузыря,
Как у вместилища воды океана.
Вот так пусть освободится твоя моча,
Наружу — «пccc!» — вся!*

*Как стрела улетает,
Выпущенная из лука,
Вот так пусть освободится твоя моча,
Наружу — «пccc!» — вся!*

(Атхарваведа 1, I, 3,
против задержания мочи — с тростником)

Однако тростник выполнял не только инструментальную функцию. В приведенном заговоре тростник входит в ряд почитаемых божеств: его отцами называются Парджанья (бог дождя), верховные боги дня и ночи Митра и Варуна, а также Солнце и Месяц. В следующем заговоре отцом тростника опять же называется Парджанья, а матерью — Земля, что актуализирует его плодородное, живительное начало (ср., например, Сому, считающуюся ребенком Парджаньи: Ригведа IX 82, 3):

*Знаем мы отца тростника,
Парджанью, обильно насыщающего.*

Знаем хорошо и его мать,
Землю, обильную обликами.

О тетива, отклонись от нас,

Камнем сделай тело!

Крепкая, убери подальше

Скупцов (и) ненавистников!

Когда ремни, обнимая дерево,

Воспевают выпущенную умелую стрелу,

Отведи от нас стрелу (и) выстрел, о Индра!

Как стоит бамбук (?)

Между небом и землей,

Так пусть встанет эта (трава) мунджа

Между болезнью и истечением.

(Атхарваведа 1, I, 2,
против повреждения и болезни — с тростником)

В этом заговоре обыгрывается корень *sarā-*, означающий одновременно ‘тростник’, ‘камыш’ и ‘стрела’ (Атхарваведа 1, стр. 377). То есть в данном случае тростник выступает и как охраняющий от болезней (в виде травы), и как представляющий опасность (в виде стрелы).

Следует отметить, что во многих языках тростник и камыш путаются. Причем то, что в русском языке многие называют камышом, на самом деле является рогозом. Ботанически различаются 3 растения, принадлежащие к трем разным семействам: камыш, рогоз и тростник (см. рис.).

Общее у всех этих растений только то, что они растут на болоте. В остальном они различаются, за исключением того, что у камыша и тростника полый стебель. Что касается приведенных фольклорных текстов, видимо, для них действительно не существенно, какое именно растение имеется в виду из двух — камыш или тростник. В ритуалах, скорее всего, могли использоваться оба, и метафорика у них тоже во многом схожа.

Примечательно, что и в Атхарваведе приводятся заговоры, в которых тростник (он же камыш) выступает в той же функции, что и в балтийских и славянских заговорах: в роли метафоры при исчезновении зла и болезней, например:

Как ты создаешь отсутствие родни,
Так сейчас создаешь кровное родство.
А вот потомство колдуна
Срежь как прошлогодний тростник!

(Атхарваведа 1, IV, 19,
против врагов — с растением);

Тот, кто закорючка,
Без суставов, без членов, —
Ты строишь кривые подлые рожи.
О Брахманаспами, разогни
Ты их, как тростник!

(Атхарваведа 1, VII, 58,
против яда змей и насекомых);

Вылетай отсюда, о баласа,
Как молоденький ашунга!
Так несись же отсюда,
Как прошлогодний камыш, не убивая героев!

(Атхарваведа 1, VI, 14,
против болезни баласа).

В последнем случае камыш (= тростник) выступает опять не только как метафора, но задействован и в ритуале: согласно комментариям к этому тексту, «ритуал исцеления от баласы был таков: в речную воду клади камыш, а затем веткой священного дерева этой водой мыли больного, „смывая“ баласу и произнося заговор» (Атхарваведа 1, стр. 480). Таким образом, камыш выступает здесь и как средство лечения.

При анализе мифологемы тростника (камыши) несомненно важна его связь с водой. В латышских дайнах почти всегда подчеркивается его «водная» природа, причем он является постоянным атрибутом девушки или персонифицируется как женщина, невеста:

Balta puķe, zaļa niedre
Zied ezera maliņā;
Balta puķe māsa mana,
Zaļa niedre līgavina.

Белый цветок, зеленый тростник
Цветет на берегу озера;
Белый цветок — моя сестра,
Зеленый тростник — невеста.

DS, 11059-5

Cik tad ilgi zaļa niedre
Ezerā līgojās?
Cik tad ilgi es, māmiņa,
Būšu tava kalponite?

Dzērajs pūsis lielījās
Nemt diženu līgavīnu.
Balta puķe, zaļa niedre,
Ta dzēraja līgavīna.

Zaļa niedre ezerā
Ūz ūdeni līgojās;
Tālu, tālu ta vietīņa,
Kur aug mana līgavīna.

Līdz pusei es iebridu
Baltā puķu ezarā.
Baltai puķei roku devu,
Zaļai niedrei gredzenītu;
Balta puķe mana māte,
Niedre mana līgavīna.

Как долго зеленый тростник
В озере качается?
Как долго я, мамочка,
Буду твоей служанкой?

DS, 17550-7

Пьяница парень хвастает,
Что возьмет хорошую невесту.
Белый цветок, зеленый тростник,
Это невеста пьяницы.

DS, 19903-7

Зеленый тростник в озере
На воде качается;
Далеко, далеко то место,
Где растет моя невеста.

DS, 11419-0

До половины я зашел
В белое озеро цветов.
Белому цветку руку дал,
Зеленому тростнику колечко;
Белый цветок моя мать,
Тростник — моя невеста.

DS, 11059-8

Ср. также литовские пословицы и поговорки:

Tai tu manysi, mano mergyte, maružės tetužėlis, nendružės — motinėlė ‘Так ты будешь думать, моя девочка, море папочка, тростники — мамочки’;

Viena kaip nendrėlė siūbuoju iš vieko ‘Одна как тростинка колышусь вечно’;

Liekna kaip nendrė mergelė ‘Стройная как тростинка девушка’;

Mano mergelė auga kiemelyj kaip ežere nendrelė ‘Моя девочка растет во дворе как в озере тростинка’ (LKŽ: nendrė).

Применительно к женщине актуальны такие свойства тростника, как слабость, гибкость, стройность. Однако это не только визуальное сравнение. Например, в шумерской мифологии две сплетенные тростинки были атрибутом Иштар, вавилонско-сирийской богини любви и плодородия (Ad de Vries, p. 384), венки из тростника украшали и головы греческих нимф (там же). По данным де Фриза, тростник был сим-

волом женской вульвы и плодородия. Согласно мифам индейцев Южной Америки, после потопа не осталось женщин, тогда богиня земли Ньядмату зарыла женские кости, и из них вырос тростник, мужчины нашли его и стали сосать, у всех, кто сосал, выросли груди, и они превратились в женщин. Животные тоже сосали тростник — так появились самки. В русских сказках тростник вырастает на могиле невинно убитой девушки (вар.: юноши), после чего срезавшему и сдевавшему из него свирель герою он рассказывает о постигшей невинную душу участи (Афанасьев, № 244, 245, 569). В этом сюжете, несомненно, отразился миф о флейте Пана, который изготовил первую свирель из тростника, и об ослиных ушах Мидаса, о которых тростник прошелестел всему миру.

Таким образом, тростник становится прообразом посмертного существования, и существования активного (ср. его роль в сказках): героем, распространяющим вести (звуки) и раскрывающим тайны.

По-видимому, наиболее значимой составляющей мифологемы тростника является именно мотив смерти и возрождения (что характерно для мифологии растений вообще, но в данном случае в связи с ролью тростника в заговорах, все-таки, видимо, имеет особое значение). В египетской мифологии тростниковое поле считается местом вечной весны, царством Озириса, находящимся за западным горизонтом, которое является местом пребывания душ умерших (Ad de Vries, p. 384). «Тростниковая долина» является метафорой мира смертных у японцев. Однако в синтоистской мифологии творение мира началось с тростника, который пустил ростки в первичных водах (The Herder symbol dictionary: reed).

Следует отметить, что мифологема тростника как символа смерти, возрождения и посредника между мирами особенно ярко отражается в латышской традиции, а именно в дайнах. Тростник в них является не только местом пребывания нечистой силы и солярного божества, но и отрезком пути сакральных персонажей, а также локусом, связанным с рождением и развитием человека (см. подробнее об этом: Kursytė, p. 219–222). Ср.:

*Velni brauca par jūriņu,
Niedres vien šķorstījās;
Es stāvēju maliņā
Ar aso zobentiņu.*

Черти ехали по морю,
Только тростник качался;
Я стоял на берегу
Со сверкающим мечом.

LD 34 043, 24

*Zin Dieviņis, zin Laimiņa,
Kur Saulīte nakti gul:
Vidū jūras saliņā
Sausas niedres galīnā.*

Знает Бог, знает Лайма,
Где Солнышко ночью спит:
Посреди моря на острове
На вершине сухого тростника².

LD 33 788, 2

*Kur, puisīti, tu izaugi
Ar tik jauku valodiņu?
— Es izaugu jūriņā
Zem niedrišu saknītēm.*

Где, паренек, ты вырос
Такой красноречивый?
— Я вырос в море
Под корнями тростника.

Tdz 55 184

*Dieviņš brauca niedres tiltu
Ābolainu kumeliņu;
Trīc tiltiņš, šķind iemaukti,
Dreb Dieviņa kumeliņš.*

Бог ехал по тростниковому мосту
На коне в яблоках;
Гремит мост, звенит сбруя,
Дрожит конь Бога.

LD 32 931, 1

Таким образом, возвращаясь к балтийской формуле исчезновения, можно сказать, что тростник вполне оправданно входит в тройку обновляющихся (стирающихся, умирающих и воскресающих вновь) элементов: месяц с его фазами; рождающийся и умирающий человек (мертвец) и гнущийся и ломающийся, засыхающий в болоте, но символизирующий смерть и возрождение, связанный с первичными водами и женским плодоносящим началом тростник.

² В связи с мотивом солнца в тростнике вспоминается современная песня группы «Крыс и Шмендра» под названием «Тростник»:

«Хочу светить с тобою наравне
И говорить на языке одном», —
Пылающему солнцу в вышине
Кричал тростник, задетый ветерком.
<...>

И вольной птицей, распахнув крыла,
Взлечу, забыв о страхе и пределе,
А из обломков тела, тела тростника
Мальчишки-боги сделают свирели.

В заключение в качестве еще одного подтверждения устойчивости мифологемы тростника хотелось бы привести стихотворение М. Ю. Лермонтова, прекрасно иллюстрирующее все вышесказанное:

*Сидел рыбак веселый
На берегу реки,
И перед ним по ветру
Качались тростники.
Сухой тростник он срезал
И скважины проткнул,
Один конец зажал он,
В другой конец подул.*

*И, будто оживленный,
Тростник заговорил —
То голос человека
И голос ветра был.
И пел тростник печально:
«Оставь, оставь меня!
Рыбак, рыбак прекрасный,
Терзаешь ты меня!*

*И я была девицей,
Красавица была,
У мачехи в темнице
Я некогда цвела,
И много слез горючих
Невинно я лила;
И раннюю могилу
Безбожно я звала.*

*И был сынок любимец
У мачехи моей,
Обманывал красавиц,
Пугал честных людей.
И раз пошли под вечер
Мы на берег крутой
Смотреть на сини волны,
На запад золотой.*

*Моей любви просил он,—
Любить я не могла,
И деньги мне дарил он,—
Я денег не брала;
Несчастную сгубил он,
Ударив в грудь ножом,
И здесь мой труп зарыл он
На берегу крутом;*

*И над моей могилой
Взошел тростник большой,
И в нем живут печали
Души моей младой.
Рыбак, рыбак прекрасный,
Оставь же свой тростник.
Ты мне помочь не в силах,
А плакать не привык!»*

Литература

- Атхарваведа 1 — Атхарваведа (Шаунака) / Перевод с вед. яз., вступ. ст., коммент. и прилож. Т. Я. Елизаренковой. Т. 1. Кн. I–VII. М., 2005.
- Афанасьев — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М., 1957.
- Замовы — Замовы / Уклад. Г. А. Барташэвіч. (БНТ: Беларуская народная творчасць). Мінск, 1992.
- Майков — Великорусские заклинания. Сборник Л. Н. Майкова. СПб., 1994.

- Мифы индейцев Южной Америки — http://www.velib.com/book.php?avtor=w_4_4&book=3353_
- ПЗ — Полесские заговоры (в записях 1970–1990-х гг.) / Сост., подгот. текстов и комм. Т. А. Агапкиной, Е. Е. Левкиевской, А. Л. Топоркова. М., 2003.
- Ригведа — Ригведа. Мандалы IX–X / Изд. подгот. Т. Я. Елизаренкова. М., 1999.
- Савушкина — Русские заговоры / Сост. Н. И. Савушкина. М., 1993.
- Трейланд — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. XL. Труды этнографического отдела. Кн. VI. Материалы по этнографии латышского племени / Под ред. О. Я. Трейланд (Бривземниакс). М., 1881.
- ТРМ — Традиционная русская магия в записях конца XX века. СПб., 1993.
- Ad de Vries — Ad de Vries. Dictionary of symbols and imagery. Amsterdam; London, 1976.
- Balys — J. Balys. Liaudies magija ir medicina. Bloomington, Indiana, 1951.
- DS — <http://www.dainuskapis.lv/?o=10&cmd=search&q=niedre>
- Kolberg — O. Kolberg. Dzieła wszystkie. Wrocław; T. 52: Białorus-Polesie (1968).
- Kursytė — J. Kursytė. Laukiniai augalai mitinėje tradicijoje // Tautosakos darbai XIII (XX). Vilnius, 2000.
- LD — K. Barons, H. Visendorfs. Latvju dainas. Sēj. 1–6. Jelgava, Pēterburga, 1894–1915.
- LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1941–2002.
- Rokosowska — Z. Rokosowska. Zamowiania (“zmowlania”) we wsi Jurkowszczyznie w pow. Zwiahelskim // Wisla. 1900. T. XIV.
- Tdz — Tautas dziesmas: Papildinājums K. Barona “Latvju dainām” / Sakārt P. Šmits. Sēj. 1–4. Rīga, 1936–1939.
- The Herder symbol dictionary — The Herder symbol dictionary / Transl. by B. Matthews. Wilmette, Illinois, 1986.